

Другая ЕВРОПА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Наталья Нарочницкая
Андрей Андреев
Ханна Ковальская-Стус
Игорь Максимычев
Михаил Делягин
Джон Локленд
Ксавье Моро
Никита Бондарев
Дмитрий Володихин
Елена Пономарева
Алексей Громыко

Лекционный курс

The Open Europe

Другая ЕВРОПА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Лекционный
курс

МОСКВА

Фонд исторической перспективы

2017

ББК 66.4(0)

Ц 57

Издание осуществлено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Национальным благотворительным фондом.

Составитель – *Е.А. Бондарева*.

Художник – *А.Ю. Никулин*.

Ц 57 **Цивилизация и вызовы времени: Лекционный курс** / Сост. Е.А. Бондарева. – М.: Фонд исторической перспективы, 2017. – 260 с. – (Серия «Другая Европа»).

ISBN 978-5-903311-16-3

Настоящий сборник представляет собой цикл лекций, прочитанных в 2016 году ведущими европейскими и российскими специалистами по актуальным проблемам современности.

Издание адресовано студентам, преподавателям, а также широкому кругу читателей и рекомендуется для изучения исторических процессов.

ISBN 978-5-903311-16-3

© Составление, Е.А. Бондарева, 2017.

© Фонд исторической перспективы, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Нарочницкая Европа: на пороге неотвратимых перемен	7
Андрей Андреев Другая Европа и будущее цивилизации	26
Ханна Ковальская-Стус Западноевропейское христианство, его изначальные ценности и современность.	54
Игорь Максимычев «Европейская Германия» или «германская Европа»? <i>Плоды лидерства ФРГ в Евросоюзе</i>	75
Михаил Деягин Түпики и перспективы евроинтеграции	111
Джон Локленд От Ленина до Леннона: левая идеология на Западе во время и после холодной войны	148
Ксавье Моро Франция и проект «Украина»	166
Никита Бондарев Политические кризисы на Балканах. Сербия, Черногория, Болгария – общее и особенное	185
Дмитрий Володихин Между Россией и Европой. Прошлое и перспективы восточнославянской государственности.	205
Елена Пономарева Восстание суверенитетов, или Какое будущее ждет Европу на фоне глобального кризиса?	227
Алексей Громыко Россия и Европа в полицентричном мире	245
Сведения об авторах	258

Алексей Громыко

Россия и Европа в полицентричном мире

Сегодня тема нашей беседы посвящена чрезвычайно обширной проблематике. Вначале определимся с понятиями. Под Европой мы будем понимать огромное пространство от Атлантики до Тихого океана. Европа не будет сводиться к Евросоюзу или к географическому представлению о Европе – от Ирландии и Португалии до Урала. Мы будем понимать под Европой в большей мере ее цивилизационное воплощение – то пространство, где большинство людей считает себя европейцами. Они говорят на европейских языках, являются носителями европейской культуры и европейских ценностей как с точки зрения традиционной системы координат, в том числе христианства, так и с точки зрения современных представлений.

Почему термин «Европа» так важен? Потому что в Европейском союзе за последние десятилетия сложилось устойчивое представление о том, что Евросоюз и Европа – это синонимы. Те, кто входят в Евросоюз, могут с полным правом называть свою страну и себя европейскими. Те, кто пока не смог этого сделать, еще не совсем готовы к тому, чтобы носить это гордое звание. С другой стороны, есть большое количество людей, в том числе в России, которые сознательно выдвигают тезис о том, что Россия это не Европа, что Россия и Европа (в их представлении это значительная или большая часть территории к Западу от границ нашей страны) в основном в течение веков были не столько союзниками, сколько соперниками, и это же им предначертано в XXI веке. Мне представляется, что примирить эти

подчас противоположные взгляды можно, следуя цивилизационной трактовке того, что значит Европа.

Во-первых, надо вспомнить о том, что Россия далеко не всегда располагалась на таких огромных пространствах, что эта страна несколько веков жила на территории современной европейской части нашего государства. Если посмотреть на ее язык, религию, культуру, на то, в каком регионе мира находились чаще всего наши предки, то это будет Европа. Когда наша страна в течение нескольких веков расширялась, то это расширение шло не с востока на запад, а с запада на восток. Львиная доля приращения территории нашей страны была достигнута за счет Сибири и Дальнего Востока. В советское время это территориальное расширение было еще больше. Здесь есть определенный парадокс. После крушения Советского Союза Россия стала более европейской страной, чем прежде, несмотря на то, что границы России были отодвинуты далеко на восток. Из-за распада Советского Союза население России стало более однородным. Русские в СССР составляли примерно 60% населения. Сейчас этот показатель составляет более 80%. Можно выносить ценностные оценки, хорошо это или плохо, но этническое, религиозное, культурное и языковое разнообразие стало более однородным.

Во-вторых, в ментальных, философских, мировоззренческих и территориальных границах Советский Союз был страной, далеко перешагнувшей границы Европы. В это огромное образование входили и нынешние государства Центральной Азии и Закавказья. Эта страна наравне с Соединенными Штатами претендовала на доминирование – и в смысле мягкой, ценностной, нормативной силы, и в смысле жесткой силы – не только в определенном регионе или даже в нескольких регионах, находящихся на сты-

ке друг с другом, а претендовала на глобальную миссию, на то, чтобы распространить свою систему ценностей и мировоззрение фактически на весь мир. Этот миссионерский советский проект ушел в прошлое, чего не произошло с глобальным проектом Соединенных Штатов. В этом есть и определенные причины тех проблем, с которыми сейчас сталкивается во внешней политике и наша страна, и другие. Потому что когда вы занимаетесь глобальным проектом, то ошибки, просчеты и провалы внешней политики приобретают намного более масштабное значение, их последствия намного более губительные, чем в результате ошибок во внешней политике средних и малых стран.

Как можно развести эти противоположные взгляды, в том числе русских, россиян на Европу? Можно считать (и спорить с этим с научной точки зрения невозможно), что культурно Россию населяют в основном люди, являющиеся носителями европейской культуры. Если взять нашу школьную программу, то 90% тех поэтов, писателей, художников, архитекторов и т.д., кто в ней представлен, будут людьми, которые в XVIII–XIX веках, в Серебряном веке считали себя европейцами или людьми, для которых Европа была некой точкой отсчета, как, например, для Ф.М. Достоевского. Никто не заподозрит Достоевского в излишнем западничестве. Но при этом невозможно сказать, что он был закоренелым или зашоренным почвенником. Это был человек, который считал, что у России есть свое будущее, но с точки зрения культуры он восторгался Европой. Если вы прочитаете его дневники, которые он писал во время своего длительного заграничного путешествия, то окунетесь в его достаточно противоречивое представление о чудесах Европы. Вместе с тем он подчеркивал, что многое из того, что поражает его в Европе и перед чем он преклоняется, – это архаика, то, что ушло в

прошлое, во что Европа не может более вдохнуть новую жизнь. Это писалось в середине XIX века. Посмотрите, как это близко рассуждениям в наше время. Мы часто слышим, что система ценностей, культура Запада находится в упадке и переживает очередной декаданс, что именно Россия является той безопасной гаванью, в которой европейские ценности могут быть сохранены.

Кто знаком с историей неудавшейся Конституции Евросоюза, те в курсе, что в преамбуле к ней изначально были прописаны европейские ценности, среди которых на одном из первых мест было общехристианское наследие европейских народов. Но учитывая то, что взгляд западных европейцев на историю и сегодняшнюю жизнь принято называть во многом постмодернистским, от этого тезиса отказались, поскольку считали, что фундаментальные составляющие, ингредиенты европейской идентичности, которые еще 30–40 лет назад нормальный человек не поставил бы под сомнение, сейчас воспринимаются как отжившие свой век, как некие архетипы, перевернутые страницы истории. В странах Евросоюза по этому поводу было множество споров. Но все-таки возобладало мнение о том, что в настоящем мире политкорректно то, что не задевает чувства других верующих, ведь в Европе миллионы выходцев не только из различных европейских регионов, но и из других цивилизационных ареалов – для них христианские ценности не являются фундаментом представлений о себе и мире.

Европейская Конституция так и не была принята. Она провалилась на референдумах, причем не в странах – основательницах Европейского Союза, а в странах так называемого ядра. Речь идет о шести странах, которые в 1957 году подписали Римские соглашения, с которых и началась современная история Европейского союза.

Это – Франция и Нидерланды, одни из самых убежденных еврооптимистов, которые на протяжении десятилетий были двигателями европейского проекта, вместе с ФРГ, Италией, Бельгией, Люксембургом. Но что-то пошло не так. В этом смысле представление о Европе не обязательно надо сводить к чему-то железобетонному, чему-то чрезвычайно или сверх меры целостному. Европа – это не просто мегапространство, это пространство множества европейских идентичностей. Более того, если рассуждать о европейской цивилизации, то можно включить в это представление не только все пространство от Лиссабона до Владивостока, но и Соединенные Штаты. Потому что США, как и Россия, царская империя в свое время, были ни чем иным, как ответвлениями европейской цивилизации. Можно спорить о том, насколько эти громадные, тяжелые ветви дерева европейской цивилизации позже стали самостоятельными и теперь могут претендовать на статус автономных, независимых цивилизаций. Но, с моей точки зрения, нет рациональной аргументации против того утверждения, что все эти страны вышли из одного ядра. Далее на протяжении веков они могли трансформироваться, модернизироваться, адаптироваться. Если брать Россию, то факт остается фактом: мы говорим на индоевропейском языке, мы владеем культурой, львиная доля которой стала результатом взаимодействия между европейскими народами на протяжении нескольких столетий.

Можно отталкиваться от противного. Вариант первый: как доказать, что Россия – это Европа? Я думаю, вы бываете не только в европейских странах, но и в других регионах мира. Попробуйте в Китае, Японии, Индии, Египте, Перу, Бразилии задать вопрос местным жителям: к какому региону планеты принадлежит, по их мнению, наша

страна? Уверяю вас, что в большинстве случаев для всего мира наша страна является, безусловно, частью Европы. Методом от противного можно доказать, что для России Европа – это самая важная часть мира, что абсолютно не принижает для нашей страны значение других регионов. Если углубиться в историю и культуру других европейских стран, то вы обнаружите, что большинство стран, в том числе членов Евросоюза, очень своеобразны, в чем-то уникальны, что их история – это не только сплав сугубо европейских ценностей, нормативов и воззрений, но это и результат влияния, взаимодействия самых разных цивилизаций. Посетите юг Италии, Испании, поговорите с португальцами, и вы поймете, насколько они отличаются от жителей Северной или Центральной Европы; езжайте в Великобританию и послушайте, как люди там говорят фразу: «Я поеду на работу/каникулы в Европу» или «Я приехал из Европы». В Великобритании, как правило, этот термин употребляется так же, как и в нашей стране. Мы тоже так часто говорим, зачастую на подсознательном уровне, не придавая этому никакого мировоззренческого философского звучания.

Итак, если мы рассмотрим этот вопрос с точки зрения не просто многообразия Европы, а многообразия Европ, то о чем здесь можно вести речь? Конечно, российская Европа уже сама по себе очень разная. Россия не сводится к Европе. Культурный, ценностный, экономический, социальный центр тяжести нашей страны является европейским. Я не говорю, что это хорошо или плохо. Наверное, все мы, и государственные деятели, и простые жители, были бы не против, чтобы прекратился отток населения с Дальнего Востока и Сибири в европейскую часть. Вряд ли кто-то был бы против, чтобы практически все мегапроекты – финансовые, социальные, спортивные

и политические, которые существуют и развиваются в нашей стране, были сосредоточены только в европейской части. Думаю, у кого-то из вас родственники могут быть из Сибири, Дальнего Востока, и эта территория для нас не менее ценна и любима, чем европейская часть. Однако в последней четверти века происходил отток населения в европейскую часть, где сосредоточена львиная доля финансовых потоков. Два крупнейших мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург – не только не передавали части своих полномочий другим городам, особенно находящимся не в европейской части, но концентрировали еще больше эти функции. Наша Олимпиада прошла в Сочи – это европейская часть. Чемпионат мира по хоккею – в Москве и Санкт-Петербурге, чемпионат мира по футболу будет проходить здесь. Львиная доля нашей экономики завязана на западном рынке.

В последние годы эта ситуация в отдельных сферах начала меняться, проводится внешняя политика диверсификации. Уже стал банальным лозунг о развороте России на Восток. Многие воспринимают его как поворот спиной к Европе, а лицом к Востоку. Я думаю, что это также было бы ментальной ошибкой, тем более если этих воззрений придерживаются политики. С точки зрения стратегического мышления это могло бы привести к провалу по очень простой причине – Россия расположена и в Европе, и в Азии. Это, пожалуй, единственное государство в Европе, которое может или похвастаться, или постенать по поводу бремени расположения сразу в нескольких регионах мира.

Единственная страна, которая в каком-то смысле может в этом соперничать с Россией – это Турция. С 2005 года она ведет переговоры о вступлении в Евросоюз, будучи признанной страной-кандидатом еще в 1999 году. Турция

также расположена и в европейской, и в азиатской частях. В то же самое время есть принципиальная разница между Россией и Турцией. Лишь небольшая часть территории Турции расположена в Европе. Практически все политические и экономические центры Турции находятся в азиатской части. Турция расширялась с востока на запад. То есть по всем этим параметрам российская история и цивилизация росла ровно наоборот. Конечно же надо сказать, что европейская часть нашей страны это только треть территории России, даже меньше. Но это территория, на которой проживает большая часть населения.

Как быть с разворотом на Восток? Для того чтобы Россия утвердила себя в XXI веке не только как европейская или даже как евразийская держава, каковой она и так является, но и как двухконтинентальная держава, то есть как атлантическая и тихоокеанская держава, ей надо выстроить свои приоритеты. Если вы представите себя во главе некоего войска или экспедиции, которая держит курс в недостаточно известном вам направлении, то вы сделаете так, чтобы самыми надежными были ваши тылы. Тот, кто сможет напасть на вас с тыла, выиграет сражение. Это прописная истина. Если для России Европа не будет надежным и устойчивым регионом, то поворот на Восток в смысле переноса центра тяжести внешней политики нашей страны, ее экономики будет сопровождаться большими рисками. Если Россия позволит втянуть себя в новую холодную войну, если Россия позволит попасться в эту геополитическую ловушку, если Россия позволит втянуть себя в структурированное, стратегическое противостояние с частью крупных государств мира, если Россия изменит традициям своей искусной дипломатии, одной из самых профессиональных в мире, – она изменит той традиции и тому историческому наследию, тем конкурен-

тным преимуществам, которые у нее есть. Безусловно, надо подчас сквозь зубы разъяснять нашу политику, делать так, чтобы находить новых друзей, а если не друзей, то делать так, чтобы множить страны, которые придерживаются нейтралитета в военно-политическом отношении. В Европе такие страны есть, они известны и сыграли большую роль для поддержания стратегической стабильности в XX веке – это Финляндия, Австрия, Швейцария, Швеция, Ирландия. Россию как мощного трансрегионального, а тем более глобального игрока на Юге и Востоке никто в полной мере воспринимать не будет, если Россия не приведет в порядок свой европейский «тыл». Так как Россия почти во всем мире воспринимается как часть Большой Европы, то, естественно, от нее ждут, что в первую очередь она сможет решить свои проблемы здесь.

Если говорить о европейских ценностях и взять статистику, то глубоко верующих людей, которые знают церковные обычаи, молитвы, которые ведут жизнь, как она прописана в православии, в нашей стране вряд ли будет больше, чем во многих европейских странах, где до сих пор сильны церковные традиции и влияние Церкви. В этом смысле я не преувеличивал бы различия между степенью приверженности к традиционным ценностям в нашей стране и в Европе в целом. Проблема состоит в том, что многие западные страны Европы с точки зрения благополучия продвинулись далеко вперед. В этих странах у многих людей есть возможность устраивать свою жизнь так, как они этого хотят. Они опираются на социальный рынок, где выдержан баланс между необходимостью работать, стремлением к качественному культурному и духовному отдыху, возможностями социальной системы государства, трудовым равноправием мужчин и женщин, самореализацией. Эти факторы приводят к тому,

что традиционные ценности, какими мы их знаем с прошлых веков, становятся не столь четкими, перестают быть путеводными звездами, как это было раньше.

В этом есть свои минусы и плюсы. Плюс состоит в том, что человек может раскрепоститься от так называемых социальных пут традиций. В этом есть и свои минусы, потому что индивидуализм, если он переходит определенные пределы, перерождается, превращается в разложение личности, декаданс, человек теряет ориентиры и руководствуется сиюминутными соображениями. Какие-то представления об истории «медленных структур» у него уходят на задний план или вообще становятся чем-то для него неизвестным. Медленные структуры – это большая семья, отношения между поколениями, представления о том, как младшие и старшие поколения должны взаимодействовать друг с другом, в частности почтение к старшим, представления об отношениях между мужчиной и женщиной, о воспитании детей и, наконец, о терпимости.

Дело в том, что если человек хорошо знает традиции своей страны, пропускает их через себя, то он будет более терпимым. История ни одного из народов (может быть, за очень редким исключением) не построена на ненависти к другим, потому что ни одна нация не смогла бы вырасти и превратиться в субъект международных отношений, не создав вокруг себя благоприятных условий для развития. Если вы не дружите с соседями, то государство тратит большие усилия и ресурсы для того, чтобы отвлекать их от собственной экономики, от улучшения жизненного уровня населения. Это не вопрос веры, выбора или ценностей. Это объективный фактор, который всегда толкал людей к тому, что в их представлении расширение жизненного пространства или даже завоевание и освоение других территорий всегда находилось в балансе с представлениями

о том, что по мере роста той или иной страны, того или иного народа нужно делать так, чтобы свое пространство и пространство вокруг, насколько это возможно, были благополучными и дружески настроенными.

В Европе этот эффект благополучия и представление о том, что европейские ценности – это лучшие ценности в мире, сыграли злую шутку. Люди стали воспринимать мир в Европе после 1945 года как что-то само собой разумеющееся и должное. Тот период благополучия и практически беспрецедентного роста, который Западная и Центральная Европа испытывали в 90-е годы и в начале XXI века, до кризиса 2008 года, стал восприниматься линейным, безостановочным движением вперед. Соответственно, если вы лучшие, то зарождается мысль о том, что вы исключительные, избранные, что вы имеете право убеждать других в необходимости к вам присоединиться и что это решение всех проблем.

Западная Европа к 2016 году оказалась в довольно плачевной ситуации, при которой ценностный релятивизм снизил культурный иммунитет европейцев в общении с выходцами из других миров и цивилизаций. Мультикультурализм многими лидерами крупных стран Европы был провозглашен провальным. Европа сейчас пребывает в растерянном состоянии перед лицом людей, которые не говорят на европейских языках и мало что знают о европейской культуре и истории, которые не разбираются в гендерных проблемах, многие из которых толком не умеют читать и писать, тем более на европейских языках. Эти люди, конечно, из другого мира, к ним нужен свой подход. Надо прилагать огромные усилия либо для их интеграции, ассимиляции, либо для того, чтобы они почувствовали себя в Европе как дома. Многие из этих людей, в том числе мигранты, беженцы, приезжают в Европу не

только как на Землю обетованную, а как во враждебную часть этого мира, потому что многие винят именно Запад во всех бедах, которые обрушились на их страны, будь то Афганистан, Ирак, Сирия, Ливия, Йемен и так далее. Надо понимать, что эти люди не просто придерживаются других взглядов на мир и на жизнь, устройство взаимоотношений между людьми. Эти люди могут быть настроены достаточно агрессивно, хотя бы потому что они попадают в незнакомую для себя социокультурную среду. Поэтому определенные минусы присутствуют в попытках перейти в пространство постмодернистской культуры, для которой ценности больше не являются жизненными ориентирами, а являются неким багажом знаний из прошлого.

Я думаю, что между Россией и Западом вряд ли возникнет противостояние по ценностной линии. Корни политического, пропагандистского, а затем и идейного противостояния, которое началось намного раньше 2014 года, лежат не в том, что россияне хотят жить по другим законам, или руководствуясь другими ценностями, нежели французы или немцы. Я не думаю, что однополюсные браки – это настолько фундаментальное противоречие, чтобы цивилизации взяли и столкнулись друг с другом. Западным европейцам и американцам можно все время напоминать о том, что то, что они считают современным и прогрессивным, и то, за что они все время критикуют нашу страну как архаичную и отсталую, буквально совсем недавно, по историческим меркам, было присуще всем этим странам. Проблема институционального и законодательного расизма в США начала решаться только в 60-е годы XX века. Нетерпимость к тому, что твою точку зрения могут не полностью разделять другие, мне кажется корнем многих бед. Если в какой-то стране принимается закон, который меняет представление о традициях, это не

значит, что в тот же день вы должны начать бить себя кулаком в грудь и говорить, что вы лучше того человека, который не живет в стране с этим законом. Надо понимать, что есть культуры, которые не смогут стать похожими на систему ценностей Западной Европы или США не только в ближайшие годы или десятилетия, но и в ближайшие сто лет. Например, исламская культура должна быть либо разрушена до основания, либо воспринята такой, какая она есть. При этом если будет разрушена исламская культура, то будет разрушена и европейская культура. Потому что хаос, который творится вокруг Европы, уже ведет к значительной дестабилизации внутренней жизни нашего континента.

Сведения об авторах

Андреев Андрей Леонидович – доктор философских наук, профессор. Главный научный сотрудник Института социологии РАН. Автор работ по социологии культуры и социальной динамике российского общества. Лауреат премии «Общественная мысль».

Бондарев Никита Викторович – кандидат исторических наук, руководитель группы Балканских исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ).

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, советник директора РИСИ, член-корреспондент РАЕН, член Союза писателей России, главный редактор научного журнала «Русское Средневековье».

Громько Алексей Анатольевич – доктор политических наук, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского.

Деягин Михаил Геннадьевич – действительный государственный советник II класса, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Свободная мысль», почетный профессор Цзилиньского университета (Китай), профессор-исследователь МГИМО, академик РАЕН.

Ковальская-Стус Ханна – профессор, заведующая кафедрой византийско-православной культуры Ягеллонского университета в Кракове (Польша).

Локленд Джон – британский журналист, ученый и писатель, директор исследовательских программ Института демократии и сотрудничества в Париже, доктор философии (Оксфордский университет), доктор наук (степень получена во Франции).

Максимычев Игорь Федорович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, советник-посланник посольства СССР (РФ) в Берлине (1987–1992).

Моро Ксавье – политолог, эксперт, директор аналитического центра «Стратпол».

Нарочницкая Наталия Алексеевна – доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы (Москва), руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж).

Пономарева Елена Георгиевна – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Международного института развития научного сотрудничества (МИРНАС), заместитель директора Института системно-стратегического анализа (ИСАН).

Цивилизация и вызовы времени
Лекционный курс

Редактор – *Л.В. Волковницкая*
Составитель – *Е.А. Бондарева*
Оформление и макет – *А.Ю. Никулин*
Корректор – *Н. Шелудякова*

Подписано в печать 16.01.2017. Формат 60x84/16
Объем 16,25 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 337

Отпечатано ИПК «Астрейя-центр»
+7 (495) 775-45-28